нимъ показался вожделѣнный берегъ Америки. Вы забываете усталость, удвоиваете шаги, проходите еще нѣсколько верстъ. Тропа становится все шире, слышится лай собакъ, позвонки коровъ, голоса людей и наконецъ глазамъ вашимъ является деревушка, бѣдная по наружности, но она кажется вамъ богатымъ селомъ. Васъ ведутъ въ зажиточный крестьянскій домъ, и хозяинъ, не спрашивая, кто вы — радушно приметъ васъ: баба засуетилась, мужикъ заводитъ съ вами рѣчь, и на первыхъ же порахъ объясняетъ, что у него два сына и четыре работника въ Финляндіи въ разносчикахъ, т.-е. занимаются мелочною торговлею. Затѣмъ васъ просятъ въ особую горенку, гдѣ на столѣ уже шумитъ самоваръ, а возлѣ него кофейникъ смотритъ кокетливо на хозяйку. Васъ угостятъ кофеемъ, накормятъ, сдѣлаютъ постель, и вы съ удовольствіемъ проспите до утра. А утромъ опять начинается угощеніе: чай, кофе, горячая стряпня, и за все это съ васъ не возьмутъ ничего. Вы поблагодарите только хозяина и хозяйку, возьмете новаго провожатаго и отправляетесь далѣе. Корельская стряпня далеко выше обыкновенной русской крестьянской ѣды по изобилію и разнообразію.

Въ глуши этихъ сѣверныхъ лѣсовъ встрѣчаются деревни дворовъ въ 40, 50 и 60, и въ нѣкоторыхъ вы найдете десятки домовъ красивой и богатой

постройки, въ которыхъ встрѣтите такое же радушное гостепріимство, со всею роскошью обильнаго крестьянскаго стола, не уступающаго обѣдамъ порядочнаго купца въ уѣздномъ городѣ. Въ домахъ нѣкоторыхъ изъ коренныхъ кореловъ вы найдете на столѣ газеты, и чаще другихъ „Сынъ Отечества“. Изъ этого можно составить понятіе о нашемъ отдаленномъ уголкѣ и его неизвѣстныхъ жителяхъ, которыхъ многіе не умѣютъ отличать отъ самоѣдовъ и тунгусовъ. На первый разъ мнѣ — природному корелу и самоучкѣ—хотѣлось хотя нѣсколько ознакомить читателей съ нашимъ краемъ, который мнѣ пришлось по коммерческимъ дѣламъ изъѣздить вдоль и поперекъ по всѣмъ направленіямъ.

Матеріалы для исторіи и этнографіи. Корелы, ея исторія, народный бытъ и корельско-русская грамотность.

(Изъ писемъ самоучки-корела [1])

I.

Тотъ плохой патріотъ и сынъ отечества, кто не любитъ своей родины и чуждается своего роднаго племени, на какой бы низкой степени образованно-

[1]) Эта статья помѣщена въ „Олонецкихъ Губ. Вѣдом.“ 1872 г., № 68.

сти онъ ни находился. Многіе народы на земномъ шарѣ прошли различныя фазы бытового и гражданскаго развитія, отъ дикаго состоянія до совершенной образованности, но многіе ведутъ еще первобытный, грубый образъ жизни. Наши корелы давно уже вышли изъ дикаго состоянія, пережили вѣкъ первоначальной культуры и достигли сферы промышленности и земледѣлія; распространеніе между ними грамотности, мало-по-малу подвигающейся впередъ, служитъ началомъ образованія корелъ. Какъ природному русскому корелу, мнѣ, я полагаю, позволено желать распространенія ясныхъ понятій объ этомъ племени и возбужденія въ немъ больше и больше охоты къ грамотности. Въ примѣръ я поставляю г. Тихонова, члена-сотрудника Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, прекрасная статья котораго о корелахъ напечатана была во „Всемірномъ Трудѣ“. Г. Тихоновъ, родившись въ средѣ финскихъ кореловъ, въ статьѣ своей цѣлымъ рядомъ историческихъ фактовъ подтверждаетъ давно высказанное мною убѣжденіе, что корелы, если не по племени, то по духу, еще въ до-рюриковскій періодъ русской исторіи были самыми ближайшими братьями коренныхъ великоруссовъ и навсегда остались связанными съ ними неразрывными узами гражданственности и народнаго быта.

Корелы съ самаго начала исторіи Россіи являются нерѣдко приверженцами ея при нашествіяхъ шведовъ, финновъ, прибалтійскихъ нѣмцевъ, ливонскихъ рыцарей и другихъ ея непріятелей, тогда какъ всѣ прочіе финны, напр. чудь, ямь или емь и др., были большею частію противниками Руси. Съ самаго появленія славянъ на сѣверѣ Европы корелы подружились съ новгородцами и сдѣлались членами ихъ общины, впослѣдствіи же участвовали съ ними въ призваніи Рюрика изъ Варяго-Руссовъ [1]). Чудь и эсты хотя также были участниками Новгородской общины, но вслѣдствіе какихъ-то обстоятельствъ отдѣлились отъ союза и съ тѣхъ поръ, кажется, обратились въ непріятелей новгородцевъ и, слѣдовательно, корелъ, какъ членовъ Новгородской республики, такъ что еще Ярославъ долженъ былъ воевать съ ними. Вообще корелы всегда принимали горячее участіе въ судьбахъ русскаго народа и русской земли; за нее они нерѣдко вели кровопролитныя войны не только съ иноземными народами, но и съ единоплеменными себѣ тавастами, ямью, чудью и другими финнами, не смотря на то, что эти послѣдніе по происхожденію были съ ними почти родные братья. Съ какой бы стороны ни являлся непріятель въ предѣлы Новгородской обла-

[1]) Объ этомъ высказано въ статьѣ г. Логуса въ „Вѣстникѣ Европы“ 1828 г. (май и іюнь, № 11, стр. 90).

сти, новгородцы всегда обращались за помощью къ кореламъ; ударяли въ вѣчевой колоколъ, и корелы дружно становились въ ряды русскихъ войскъ. Если бы и въ другихъ, находившихся подъ владычествомъ Руси, племенахъ замѣтно было что-нибудь подобное, то такому сочувствію кореловъ къ славянамъ и ко всему русскому нельзя было бы приписать особенно важнаго значенія; но намъ изъ исторіи русскаго народа извѣстно, что всѣ прочія финскія племена были противниками Новгорода. Ямь находилась въ союзѣ со шведами, чудь—съ нѣмцами, и какъ тѣ, такъ и другіе часто дѣлали нападенія на Новгородскую область.

Карамзинъ говоритъ, что ливонскіе рыцари, финны и шведы были непріятелями новгородскими [1]); „однажды король шведскій, досадуя на россіянъ за частыя опустошенія Финляндіи, послалъ зятя своего Биргера на ладьяхъ въ Неву къ устью Ижоры, съ великимъ числомъ шведовъ, норвежцевъ и финновъ“; или, по новгородской лѣтописи, „пріидоша свеи въ силѣ велицѣ, и мурмане, и сумь, и ямь“ [2]). Нашествіе Биргера было, какъ извѣстно, отражено новгородскимъ княземъ Александромъ, получившимъ за побѣду названіе Невскаго [3]). Александръ Нев-

[1]) Историческій атласъ, Павлишева.
[2]) Сумь и ямь, или емь—два финскія племени въ Финляндіи.
[3]) Исторія Гос. Росс., т. IV, стр. 16.

скій „велѣлъ укрѣпить берега Шелони, чтобы защитить Новгородскую область отъ внезапнаго нападенія чуди и старался окружить себя храбрыми витязями“ [1]). Во время нахожденія Александра въ походѣ противъ Биргера нѣмцы, по словамъ Карамзина, „вступили въ область Новгородскую, обложили данью вожанъ и построили крѣпость на берегу Финскаго залива, въ Копорьѣ, чтобы утвердить свое господство въ нынѣшнемъ Ораніенбаумскомъ уѣздѣ; взяли на границахъ Эстоніи русскій городъ Тесовъ и грабили нашихъ купцовъ. Народъ, видя бѣду, требовалъ себѣ защиты отъ Ярослава Всеволодовича и призналъ второго сына его, Андрея, своимъ княземъ; но зло не миновалось: литва, нѣмцы и чудь опустошали берега Луги, увозили скотъ, лошадей, и земледѣльцы не могли обрабатывать полей. Надлежало прибѣгнуть къ герою Невскому“... „Александръ прибылъ—и все измѣнилось (это было въ 1241 году); немедленно собралось войско: новгородцы, ладожане, корелы и ижерцы весело шли подъ его знаменами къ заливу Финскому“ [2]). „У князя Александра,—говоритъ лѣтопись,—бѣ множество храбрыхъ, якоже древле у Давида царя; бяху бо сердца ихъ яко сердца львовъ; и

[1]) Ист. Гос. Росс., т. IV, стр. 14.
[2]) Ист. Гос. Росс., т. IV, стр. 14.

рѣша: о, княже нашъ честный! нынѣ приспѣ время намъ положити главы своя за тя. Князь же воздѣвъ руце на небо и рече: суди ми, Боже... и помози якоже Моусею и прадѣду нашему Ярославу на окаяннаго Святополка“ [1]). Притомъ новгородцы, корелы и другіе „взяли Копорье и плѣнили многихъ нѣмцевъ“... „Вожане и чудскіе измѣнники, служившіе непріятелю, въ страхъ другимъ были повѣшены“... „Александръ взялъ Псковъ, возвратилъ ему независимость и прислалъ въ Новгородъ скованныхъ нѣмцевъ и чуди“... „Истреблялъ нѣмцевъ и гналъ чудь до самаго вечера. 400 рыцарей пали отъ нашихъ мечей, 50 были взяты въ плѣнъ“... „тѣла чуди лежали на 7 верстахъ“. По новгородской лѣтописи, „нѣмцы ту падоша, а чудь даша плеще и биша на 7 верстъ по леду до суболическаго берега, и паде чуди безъ числа, а нѣмцевъ 400“ [2]). Кромѣ упомянутой выше войны, корелы приняли участіе и въ другихъ новгородскихъ дѣлахъ. Описаніе ихъ потребовало бы слишкомъ много мѣста, а потому скажемъ здѣсь только о главнѣйшихъ. Такъ, еще гораздо ранѣе описанной войны, именно въ 1149 году, на призывъ великаго князя Изяслава, приказывавшаго ударить въ вѣчевой ко-

[1]) Тамъ же. Т. IV, прим. 31, стр. 13.
[2]) Тамъ же. Ист. Гос. Рос., т. IV, прим. 31, стр. 13.

локолъ, явились, между прочимъ, корелы и, соединившись съ новгородцами и псковичами, двинулись на Суздальскую область для войны съ тамошнимъ княземъ Георгіемъ за то, что послѣдній разорилъ городъ Торжокъ, принадлежащій къ Новгородской области: „и поидоша по немъ вси новгородцы, и псковичи и корела“ [1]).

Въ 1188 году, по словамъ шведскихъ лѣтописей, корелы, соединившись съ русскими, пріѣзжали на судахъ въ окрестности Стокгольма и 14 іюня взяли шведскій городъ Сигтуну. Далѣе, въ 1253 г., корелы вмѣстѣ съ новгородцами опустошили часть Ливоніи, разбили нѣмцевъ въ окрестностяхъ Нарвы. „Въ то же лѣто (1293) приходиша свея воевать въ 800; 400 иде на корелу и 400 на ижору, и избиша своихъ, а иныхъ руками взимаша“. Въ 1228 г. финское племя емь приходило въ Корелію для войны съ корелами и, испугавшись послѣднихъ, бросило свои лодки и „бѣжало въ густые лѣса, но было истреблено корелами и ижорами“. Въ 1240 г. новгородцы собрали многочисленное войско, въ которомъ были и корелы, для защиты отъ изгнаннаго ими великаго князя Ярослава Ярославича. Въ 1316 г. новгородцы, опасаясь великаго князя Михаила Твер-

[1]) Воен. событ. въ Тверск. губ. См. въ Воен. Стат. Обозр. Твер. губ.; Русск. Лѣт. съ Воскресенскаго списка и Ист. Госуд. Росс., т. IV, стр. 138, прим. 318.

ского, укрѣпили столицу и призвали на помощь между прочимъ кореловъ. Въ 1444 году „корела ходиша на мурманы и избиша ихъ много и пріидоша здравіи“ [1]).

Участвуя такимъ образомъ въ судьбахъ русской земли, корелы не могли не занять мѣста въ русской исторіи; и дѣйствительно, имя ихъ встрѣчается на многихъ страницахъ ея, въ лѣтописяхъ и даже во многихъ государственныхъ актахъ того времени, нынѣ вошедшихъ въ „Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи“.

II.

Карелія и Корелія (Корела)—это два различныя названія, присвоенныя финляндскимъ и корельскимъ поселеніямъ. Корелія или Корела означаетъ православное корельское населеніе внутри и внѣ финляндской границы, а Карелія занимаетъ область, граничащую съ Олонецкою и Архангельскою губерніями и занимающую Выборгскую губернію, половину Куопіоской и части С.-Михельской, Улеборгской и Вазаской губерній.

---

[1]) Ист. Гос. Рос., т. III, стр. 52, пр. 85; т. IV, стр. 71, пр. 173, т. I, стр. 73 и 42; т. IV, стр. 67, 177 и пр. 223; т. V, стр. 215, пр. 388.

Пространство территоріи, занимаемое нынѣшними корелами, довольно обширно. Хотя страна эта въ отношеніи почвы для земледѣлія и имѣетъ неблагопріятныя климатическія условія, но она представляетъ выгоды въ промышленномъ отношеніи, прилегая къ берегамъ Свири, озеръ Ладожскаго и Онежскаго и Бѣлаго моря. Во времена Рюрика и Ярослава Корелія была вдвое обширнѣе, а теперь она занимаетъ Олонецкій, Петрозаводскій и Повѣнецкій уѣзды Олонецкой губерніи, Кемскій уѣздъ Архангельской и часть Великаго Княжества Финляндскаго. Но и эта сплошная площадь—обширнѣе Бельгійскаго королевства. Отпрыски повѣнецкихъ корелъ находятся въ губерніяхъ Новгородской, Ярославской и Тверской, куда они переселились во время неурожаевъ изъ суроваго и нехлѣбороднаго Повѣнецкаго края. Значительная часть древняго корельскаго племени давно обрусѣла, слившись съ господствующимъ племенемъ со времени Владиміра Мономаха, съ проявленіемъ первыхъ лучей христіанской вѣры. Всѣ нынѣшніе русскіе корелы нисколько не отличаются отъ русскихъ внутреннимъ домашнимъ бытомъ и обычаями; окончательному обрусѣнію ихъ препятствуетъ только языкъ, отличающійся, впрочемъ, множествомъ словъ, заимствованныхъ изъ русскаго нарѣчія. И въ этомъ отношеніи всѣ они давно желаютъ слиться съ коренною Русью и получить

русскую грамотность. Какъ природному корелу, родившемуся въ центрѣ русской Кореліи (Сямозерѣ) и изучившему бытъ какъ русскихъ, такъ и финляндскихъ корелъ и разныхъ другихъ племенъ финляндскаго происхожденія, мнѣ хорошо извѣстны образъ жизни и народный духъ, внутреннія, духовныя стремленія моихъ собратьевъ. Г. Тихановъ, посвятившій много трудовъ изученію корелъ, между прочимъ, издалъ корельско-русскій молитвенникъ, съ чисто филантропическою цѣлью—для распространенія между корелами русской грамотности. Безспорно, это цѣль высокая, но она, какъ и всѣ дѣла человѣческія, имѣетъ свою свѣтлую и темную стороны. Насколько современно и практично въ настоящее время изданіе корельско-русскаго перевода молитвъ и какую пользу оно принесетъ утвержденію въ корелахъ русской грамотности—вотъ вопросъ, для разрѣшенія котораго, по моимъ практическимъ знаніямъ и опытамъ, должно указать способъ распространенія между корелами русскаго языка и образованія. Корельское племя въ русскихъ губерніяхъ, давно уже принявшее въ свой народный бытъ кровные русскіе элементы — вѣру, гражданственность, народные обычаи, — достаточно подготовлено къ непосредственному воспріятію русской рѣчи, которую большинство понимаетъ вполнѣ хорошо. Среди великихъ реформъ настоящаго царствованія, обра-

щено вниманіе на духовно-нравственное и умственное воспитаніе народа, въ которомъ такое живое участіе принимаетъ наше духовенство. При распространеніи школъ въ селеніяхъ, безъ всякаго сомнѣнія, корелы воспользуются случаемъ учиться грамотѣ на русскомъ языкѣ и въ скоромъ времени положительно сдѣлаются настоящими русскими. Хотя г. Тихановъ, въ своей статьѣ о корелахъ, говоритъ о большомъ между ними невѣжествѣ, но я могу сказать утвердительно, что корелы вообще нисколько не грубѣе многихъ русскихъ, какъ мнѣ удалось видѣть въ нѣсколькихъ губерніяхъ средней полосы Россіи. Въ домашнемъ быту корелы гораздо чистоплотнѣе и болѣе радушны и развиты, чѣмъ многіе русскіе.

Относительно корельской грамоты я могу привести слѣдующіе факты, почерпнутые мною изъ самой жизни. Уже десятки лѣтъ печатно и изустно разбирается вопросъ о мѣрахъ распространенія грамотности между корелами, но пока еще ни въ Финляндіи, ни въ Россіи различныя мѣры не привели къ удовлетворительнымъ результатамъ. Хотя для финскихъ карелловъ перепечатана на карельско-финскомъ языкѣ, латинскими буквами, вся православная церковная служба, но за всѣмъ тѣмъ финскіе кареллы неохотно за нее принимаются; ближе къ русской границѣ всѣ они придерживаются рус-

ской печати, а дальше въ Финляндіи пользуются финской грамотой. Что касается русской Корелiи, то вводить между корелами грамотность на туземномъ корельскомъ нарѣчіи—положительно напрасный трудъ. Это было бы противно географическимъ, политическимъ, промышленнымъ и этнографическимъ условіямъ, въ которыхъ находится это племя въ настоящее время. Достаточно обратить вниманіе на узкую полосу, занимаемую корельской народностью отъ рѣки Свири до Кандалаксы, почти на тысячеверстномъ протяженіи, въ пограничномъ сосѣдствѣ съ русскимъ промышленнымъ населеніемъ. Почва и климатъ этой полосы служатъ причинами разныхъ промысловъ, для замѣны или подспорья скудному земледѣлію. Населеніе этой полосы представляетъ три слѣдующія категоріи экономическаго развитія: промышленную, самобѣднѣйшую и посредственную (земледѣльцы): 35% этого населенія, по торговопромышленнымъ занятіямъ съ русскими, настолько въ состояніи говорить по-русски, насколько это необходимо, а многіе знаютъ также и русскую грамоту; 35% составляютъ самобѣднѣйшіе жители сѣверной Корелiи (Кемскій и Повѣнецкій уѣзды), которые отвозятъ дѣтей своихъ съ малолѣтства въ русскія губерніи, гдѣ они знакомятся съ русскимъ языкомъ сами собою; наконецъ, остается какихъ-нибудь 30% корелъ, принадлежащихъ къ посред-

ственному развитію въ экономическомъ отношеніи, занимающихся хлѣбопашествомъ и домашними промыслами, но и тѣ кое-какъ умѣютъ читать по-русски (изустно) краткія молитвы; между ними не найдется не только парня, но даже дѣвушки, которые не спѣли бы полдюжины русскихъ пѣсенъ,—конечно, съ искаженіемъ нѣкоторыхъ словъ. Однимъ словомъ, корелы съ молокомъ матери, чрезъ цѣлыя сотни лѣтъ, всосали въ себя русскій духъ, привыкли думать по-русски, усвоили русскіе обычаи и народный русскій бытъ; только необходимые между собою разговоры они ведутъ по своему, на своемъ языкѣ, въ которомъ найдется до 20% русскихъ словъ и выраженій, хотя отчасти и съ корельскимъ произношеніемъ. Ко всему этому въ центрѣ узкой полосы, занимаемой корельскимъ племенемъ, годъ отъ году развивается чугунно-желѣзная промышленность и лѣсныя разработки, которыя вносятъ въ эту среду русскую грамотность, русское нарѣчіе. На что намъ печатная корельская рѣчь, составленіе корельской грамматики, когда всѣ мы—корелы—признаемъ себя душою и тѣломъ истинно-русскими?!

Русскіе корелы желаютъ учиться грамотѣ не на своемъ, а на русскомъ языкѣ. Мнѣ кажется, я могу быть въ этомъ дѣлѣ судьею, какъ природный корелъ, болѣе 30 лѣтъ проведшій въ центрѣ Финляндіи, на границѣ Саволакси съ Корелiей. Въ по-

слѣднія десять лѣтъ по лѣсопромышленнымъ дѣламъ мнѣ пришлось изъѣздить крестъ-на-крестъ всю русскую Корелію, начиная отъ рѣки Свири до Кандалаксы; по дѣламъ коммерческимъ мнѣ знакомы и другія разноплеменныя окраины Россіи. Привыкнувъ наблюдать все окружающее, я интересовался грамотностью моего родного племени, и особенно желалъ узнать, какъ прививается въ корелахъ корельско-русскій молитвенникъ г. Тиханова и недавно изданныя на корельско-русскомъ языкѣ „наставленія и приказы сотскимъ и десятскимъ". Послѣднія написаны чисто-корельскимъ языкомъ, вполнѣ понятнымъ для здѣшнихъ корелъ; между тѣмъ мнѣ не случилось встрѣтить ни одного корела-грамотѣя, который читалъ бы эти наставленія по-корельски; какъ бы мало ни зналъ онъ русскій языкъ и русскую грамоту, а непремѣнно изучалъ наставленія въ русскомъ переводѣ. Что же касается корельско-русскаго молитвенника г. Тиханова, то въ его корельскомъ переводѣ очень много корельско-финскихъ словъ, которыя и подавно будутъ неохотно разбираться русскими корелами. Для финляндскихъ карелловъ эта книга дѣйствительно пригодна. Еслибы она была настолько распространена въ Финляндіи, подъ руководствомъ православнаго духовенства, что сдѣлалась бы обыденною молитвенною книгою финскихъ карелъ, то скоро сблизила бы ихъ по языку съ русскими ихъ собратьями; а затѣмъ уже потребовался бы для финскихъ карелъ молитвенникъ на русско-корельскомъ нарѣчіи, имѣющемъ много русскихъ словъ,—и это былъ бы уже второй шагъ къ распространенію русскаго языка и русской грамотности въ корельско-финскомъ племени. Привожу изъ молитвослова г. Тиханова слѣдующій сравнительный словарь выраженій русскихъ кореловъ и финскихъ карелловъ, изъ котораго будутъ видны сродство и разность между двумя послѣдними нарѣчіями:

Русскія:	Русскихъ кореловъ:	Финскихъ карелловъ:
Во имя Отца *	Нимохъ Таатанъ	Нимени Ижанъ.
Слава Тебѣ *	Чести Синулъ	Кунивосъ Синулъ.
Царю Небесный *	Цаари Таиваасъ олія	Куниигасъ Тайвалиие.
Сокровище *	Сокровищу	Каллисъ хувіа.
Помилуй насъ *	Помилуйте мейдю	Армахта мейдю.
Слава Отцу *	Чести (слава) Таатанъ	Кунивосъ Ижалъ.
Владыко прости *	Владыко, прости	Валдая,анна айдейкси.
Господи, помилуй *	Господи, помилуй	Господи, армахта
Царство Твое	Синунъ царство	Сынунъ валдакунду.
Богородице *	Богородичу (Юмаланъ сая маамо)	Юмаланъ саалиие маамо.
Благословенна *	Благословитту	Риститту.
Отца Вседержителя.	Таатанъ кайкенъ владѣтеланъ	Ижанъ кайкенъ валдаанъ.
Отъ Отца рожденнаго	Таатаста родинухъ	Ижасъ сундунухъ.

*) Всѣ русскіе корелы отъ млада до стара также говорятъ и понимаютъ лучше русскій текстъ, чѣмъ свой природный.

Русскія:	Русскихъ кореловъ:	Финскихъ карелловъ:
Молю тя усердно	Молинъ сину усердно	Миня рукойленъ сувемести.
Молюся *	Молимосъ	Рукойленъ.
Прости *	Прости	Анна андыэксе.
Во царствіи	Омахъ царствась	Куннингастуксесъ.
Счастія *	Счастіи (озаа)	Луккуу.
Почитай Государя	Почитай Цаари	КуннѣтаКуннингаста.

Грамотность, по моему мнѣнію, въ сельскомъ сословіи должна быть дѣломъ обязательнымъ какъ для русскихъ, такъ и для корельскихъ дѣтей обоего пола; они должны непремѣнно умѣть читать славянско-русскую печать. Еще нужнѣе выучить дѣвушекъ читать и понимать прочитанное, потому что онѣ, сдѣлавшись матерями, легко могутъ передать, среди домашнихъ занятій, первоначальную, сознательную грамоту своимъ дѣтямъ и могутъ сдѣлаться учительницами въ сельскихъ школахъ; знаніе чтенія и молитвъ для нихъ должно быть поставлено непремѣннымъ условіемъ, какъ это вообще введено у лютеранъ. Но недостаточно выучить малютокъ грамотѣ и потомъ оставить ихъ на произволъ; чтобы они не забывали грамоты и всего выученнаго, слѣдовало бы хоть разъ въ году производить въ каждомъ селеніи экзаменъ взрослымъ. Это дѣло и обязанность просвѣщеннаго нашего духовенства. Нужно разъ правильно устроить дѣло распространенія грамотности, привить ее къ новому поколѣнію, а тамъ

она пойдетъ своей дорогой; явится соревнованіе между дѣтьми, и грамотность выведетъ ихъ изъ той одичалости и невѣжества, которыя теперь присущи большинству нашего народа.

Петрозаводскъ и мои впечатлѣнія [1]).

Неоспоримо, что изъ моихъ родичей—жителей Олонецкой губерніи—немногіе знаютъ грамоту; да и тѣ, которые знаютъ, совсѣмъ не занимаются чтеніемъ общеполезныхъ произведеній новѣйшей литературы, а особенно газетъ. Этотъ упрекъ можно отнести не къ одному сельскому населенію, но и къ большинству горожанъ. Такое впечатлѣніе произвело на меня посѣщеніе Петрозаводска—родного моего города, послѣ 25-ти-лѣтняго отсутствія. Это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Дѣла заставили меня пробыть болѣе двухъ мѣсяцевъ въ глуши сѣверной Кореліи, гдѣ, кромѣ губернскихъ вѣдомостей не встрѣтишь ни одной печатной строки о томъ, что происходитъ въ ученомъ, промышленномъ и политическомъ мірѣ; да и эта единственная газета въ отдаленную Корелію—эту Олонецкую Камчатку—

[1]) Напечатано въ „Олонецк. Губернск. Вѣдом." 1871 г., №№ 64 и 65.